

ИВАН БУРКИН

Путешествие
ПОЭМА
НА КРАИ АБСОЛЮТНОГО
СНА

ИВАН БУРКИН

**ПУТЕШЕСТВИЕ ПОЭТА
НА КРАЙ АБСОЛЮТНОГО СНА**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

1995

Библиотека альманаха
"Петрополь"

Главный редактор и издатель
Николай Якимчук

Художник Игорь Корб

Серия "Петербургское соло"

Редакционно-издательский
совет серии:

Юрий Гальперин,
Яна Елисеева-Шрайнер,
Андрей Зонин,
Виктор Кривулин,
Григорий Тульчинский,
Владимир Уфлянд

Редакция:

Наталья Ивах,
Нина Тарасова,
Александр Ласкин

При участии издательства
"Авенариус"

ИЗДАТЕЛИ БЛАГОДАРЯТ:

Бориса Гребенщикова, Юрия Шевчука, Александра Дольского, Вячеслава Бутусова, Александра Розенбаума, Андрея Макаревича, Геннадия Хазанова, Сергея Курехина, Романа Виктюка, Валентина Гафта и Антона Духовского за многовариантное содействие,

художников, передавших свои произведения в фонд альманаха "Петрополь":

Эрнста Неизвестного, Юрия Брусовани, Глеба Богомолова, Нугзара Кахиани, Нодара Аргвилиани, Алексея Голубева, Алексея Гарева, Владимира Жигулина, Люциана Долинского, Елену Зайцеву, Александра Яна, Петра Охту, Ирину Власову, Алексея Кульбина, Георгия Ковенчука, Бориса Филиппова, Сергея Алипова, Анатолия Клеймица, Андрея Ханова, Андрея Васильева, Бориса Энгельгардта, Дмитрия Дергунова, Дмитрия Стрижова,

Гуманитарный фонд
"Свободная культура"

Особая благодарность
"Компьютерлэнду" за
предоставленную технику

ISBN 9985-834-01-1

© Иван Буркин, 1995

Предлагаемый читателю внимания (или вниманию читателя) текст преследует единственную цель: исследовать поэтические возможности слова. При этом коммуникативная функция отступает на задний план.

ИВАН БУРКИН

*Никогда не забуду (он был
или не был,
этот вечер)...*

А. Блок

1

Подушка — подружка
моей головной боли,
а может быть, аэродром,
с которого засыпают,
а иногда улетают навсегда.
Как бы то ни было —
под аккомпанемент головной боли
Я вишу на ветке замороженного воспоминания
и в любую минуту
готов сорваться...
и мгновенно,
как черный сахар,
растаять во сне.
Со мною сестра-бутылка,
а может быть, бутылка-разбойница
с большой дороги
или дорога-разбойница
с милосердной бутылкой...
Со мной мои руки,
сложенные в знак умножения
(или наоборот);

Со мной мои ноги,
вытянутые, как дороги
(или наоборот);
Со мной мой вес,
расположившийся на животе
(или наоборот);
Со мной мой рассудок,
упакованный в голове
(или наоборот);
Со мной мой язык,
освободившийся от слов
(или наоборот).
Я вишу на ветке
последней тонкой,
как нитка, мысли,
которая уже натянулась
до отказа.
Еще одна секунда
и я оторвусь от Себя.

2

Берег, сочиненный
во время бессонницы
(Или бессонница
сочиненная берегом),
остался далеко впереди.
Меня несет — о как несет: —
на мост через зеркало
белая, белая рука,
выплеснутая из какой-то женщины.
Чья-то голова,
наполненная гением,

как воздушный шар гелием
(или гений, наполненный головой,
как брюхо лошади травой),
с запасными путями ужаса на лице
проплыла мимо меня
и провалилась, свистя, в государство
с печальным названием,
или государство, скрипя сердцем,
провалилось в голову идиота.

Или идиот
провалился в голову государства.
Сквозь рыдания чисел
я ясно расслышал
голубую математику,
отрезанную от гения,
наполненного головой,
или от головы,
наполненной математикой гения...

Мне стало жарко
от уравнений ужаса,
или уравнениям ужаса
стало жарко от Меня.
Я оглянулся.

Вокруг,
справа,
слева,
вблизи,
вдали —
одни на высоких,
другие на низких пьедесталах
стояли памятники —
одни с вытянутой вперед рукой
(Зачем были вытянуты руки?)
другие с поникшими головами

(или головы с поникшими памятниками.

Зачем были опущены головы?)

третьи на коленях

(Почему на коленях?)

четвертые с мечами в правой руке

(кого карали мечом?)

Я задрожал от мысли

(или мысль задрожала от Меня):

Я в государстве памятников государству,

(или наоборот?)

погибшему от памятников

(или наоборот?).

Мысль задрожала

от мысли о памятниках

и потекла, как холодная река,

или памятники задрожали

от мысли, и холодная река

потекла, как мысль.

Сверкнуло зеркало

(не помню какое),

и памятники потонули

в его глубине

(или глубина потонула

в памятниках).

3

Как переплыть зеркало? —

в тоске подумал Я.

И вытолкнутый за шиворот

вон из Меня,

Я попробовал влезть в Себя.

но Меня захватило

волной десятого зеркала
и понесло в плен
обратного пятого изображения.
Я, будучи без Меня,
носился как пух,
над зеркальной пустыней.
Меня же носило уже по волнам
двадцатого зеркального изображения,
где обратные волны
отражали перевернутый мир сна
и обратную сторону Меня,
которую я сочинял раньше,
будучи отрезанным от Себя,
меня еще раз подбросило
в качающиеся на волнах картины,
и Мне представилось...

4

Какая-то тень
(или памятник какой-то тени)
выслуживалась перед
грустным государством,
(или государство
выслуживалось перед
государственной тенью).
Нижняя губа,
похожая на лоток
(или лоток,
похожий на огромную губу),
кидала на чашу весов
крупные зерна недовольства и равенства.
И равенство,

помноженное на недовольство,
и недовольство,
беременное равенством,
опрокинули чашу весов
и, сверкнув белыми попками,
улетели в черный туман.
И когда все это
донеслось до Меня —
в плен зеркального изображения —
равенство отделилось от попок
и зверски напало на недовольство.
А может быть, попки
отделились от недовольства
и напали на равенство.
В книжном саду
яблоки вели себя откровенно
и грубо беседовали с грушами
на очень злободневную тему.
Но вдруг тема стала беседовать
с яблоками и грушами,
забыв про откровенную тему.
Наверное, потому
что зеркальная тема
окатила Меня холодной волной.
Мелодия из апельсинов
медленно тянулась
в открытые во всю широту рты.
Из других ртов
прыгали мыльные рюмки
(или рты прыгали
в мыльные рюмки).
Как в помойные ямы
в засоренные уши
сливались помойные речи,

в которых мылись доктрины,
или засоренные уши
сливались в помойные речи,
где бурлили загрязненные идеи.
Я опять стал сочинять другого Меня
и из Меня вылетали картины,
зеркально перевернутые десять раз,
и мыльные рюмки
превратились в воздушные шары,
а помойные речи
замерзли на губах агитаторов.
Или агитаторы
замерзли на губах
помойных речей.
Почему не видно ног? —
подумал Я в глубине
разрезанного историей царства?
Или история,
разрезанная царством,
подумала обо Мне,
разрезанном царством?
Только протянутые к небу руки.
Только отцветающие головы.
Только прыгающие на костылях колеса.
Только прямые углы локтей.
Я на время
решил не касаться Меня.

5

Показались букеты хвостов
или пальмы, похожие
на фонтан из хвостов.

Показалось что-то страшное,
похожее на собачий сон,
или показался собачий сон,
похожий на хозяина собаки.
А может быть, и не собачий сон,
а что-то, дважды умноженное на сон.
А может быть, собачий сон
в зеркале другого сна.

Показались круглые герои
или героические дураки,
сменившие круглых героев.
А может быть, что-то круглое,
похожее и на героев, и на дураков.
Или дураки и герои,
похожие на что-то круглое.

— Где же поля? —

сунул кто-то в микрофон серебряный вопрос,
или серебряный вопрос
сунул кого-то в микрофон.

Только стены.

Прижавшись друг к другу,
они занимались каменным шепотом.
или каменный шепот
занимался стенами.

Только крыши.

Выгнув спины,
они были похожи на позвоночники динозавров,
или позвоночники динозавров
упали на черепицу крыш.

Показались черная площадь
и длинная демонстрация портретов.
которую начали расстреливать из винтовок,
или портреты начали расстреливать винтовки.
Убитые портреты, (а может быть, и убитые винтовки)
валялись где попало,
прикрыв грудь руками.
Послышались стук в небо,
 гром в дверь,
 треск в книгах,
 писк в галстуках.

Толпа бурлила, как кипяток,
и над ней поднималась
красная и белая пена знамен.

Орали.

Кричали.

Стонали.

Рыдали.

С трибуны выступали ораторы,
горячо убеждая толпу:

— Остановить колесо истории, —
говорил один.

— Повернуть колесо истории обратно, —
говорил другой.

— Повернуть колесо истории направо, —
говорил третий.

— Повернуть право налево, —
говорил четвертый.

По улице бежал Раскольников и кричал:

— Не хочу в роман Преступление и наказание!

Хочу в роман Без наказания нет преступления!

На сцене театра Глобус

стоял умоляющий Шекспир:
— Принц Гамлет, вернитесь!
— Не хочу в трагедию!
Хочу в комедию, —
кричал принц Гамлет,
грозя шпагой Шекспиру.
Из другого желтого здания
с вывеской музей рифмы
выбежал молодой человек,
неся под мышками рифмы:
кровь — любовь,
розы — грезы.
А может быть, рифмы
несли под мышками молодого стихотворца
и громко советовали:
— Бросьте розы в грезы, а кровь в любовь.
На пустынном бульваре
одни поэты, как белье,
сушили свои метафоры,
и метафора дождливое горе
превращалась в засушливые глаза.
Другие поэты клали метафоры на сковороду
и поджаривали их, как котлеты,
и вкусная мелодия
становилась существительным на масле.
Третьи ярко вышивали метафоры:
Пулемет строчил и вышивал
красными нитками крови.
Вечер был на длинных веревках,
на которых висели крылатые огни.
На другом бульваре
показались слова,
похожие на коров,
под которыми сидели поэты

и быстро доили их,
или это были коровы,
похожие на слова,
которые доили поэтов.
В результате чего сыпались
метафоры-аналоги:
Крокодилы с зажженными фарами
спешили на берег.
Розы были на жалованьи.
В безграмотном синтаксисе
прилагательные шатались, как пьяные.
Японские лысины грибов
толпились и лезли друг на друга.
Метафоры — эхо:
Один заплакал наличными.
Другой постарел на 180 градусов,
Метафоры — реплики:
Народные и нарядные болезни.
Метафоры — негативы:
Вечно-черные тени,
как негативы с белых медведей.
Дуло пушки, как негатив с луны.
Метафоры замедленного действия:
Двоюродная кровать.
Водка-соседка крепостного права.
Выстрелы вешались
на прохожие деревья.
Лекарство на цепи.
Метафоры—примитивы:
Подбородок лесенкой.
А потом пошли уже
метафоры с каймой:
Выстрелы целовались с деревьями,
Лекарство лаяло на цепи.

Меня не пускали
в мою грамматику.
А Я пока еще без Меня скитался
на территории перевернутой грамматики
(или грамматика скиталась
в моей обратной голове),
Из крепости существительных,
стрелявших из пушек,
я бежал на остров прилагательных,
которые пели как птицы,
в лес глаголов,
шумевших как деревья,
в горы наречий,
которым было и скучно, и грустно,
на ярмарку числительных,
где продавались цены.
По лестнице падежей
я поднялся
на высокую башню,
где встретил
черную, черную книгу
и белые, белые слова,
которые сказали:
— Ты еси?
— Я есмь, —
ответил Я.
И пока глаголы
спрягались и спрягались
в существительные,
я опять спустился по падежам
к бурным волнам
десятого зеркала.

На арене цирка
величавые слоны
размахивали хоботами,
как ковбои кнутами,
и дрессировали львов,
которые прыгали в горящий обруч,
похожий на подсолнух,
или горящий подсолнух,
похожий на зажженную конфорку,
скакал на арене
и садился на крючки хоботов.
Мужчины в детском возрасте
били, как в литавры, в ладоши
или медные ладоши
били в детских мужчин.
Показался ковчег политических деятелей
или политические деятели ковчега —
трудно понять: или-или.
На ковчеге виднелся плакат:
Не все возвращается
на круги своя.
Но круги возвращаются
на все и всех.
Налетела политическая буря,
и ковчег пошел на политическое дно.
А может быть, политическое дно
упало на ковчег, или
или-или пошло на дно...

День споткнулся
и шлепнулся во что-то темное,
или что-то темное
шлепнулось на голову дня.
Месяц висел на золотой цепочке
и смотрел в монокль,
или монокль, привязанный к созвездию,
смотрел исподлобья на месяц.
Звезды играли в лото,
или лото играло в созвездия.
Уличные столбы
стояли с рукавицами фонарей
и те, как боксеры, били друг другу морды.
Прожектора работали,
как ветряные мельницы,
и грузили мешки голубого света,
или мешки голубого света
грузили темноту.
Светящиеся смычки
играли светящуюся сонату,
или светящаяся соната
играла в светящуюся боль.
Показалось чрево витрин,
в котором копошились
съеденные черви ожерелий,
или ожерелья,
съевшие все что-попало,
плевали в глаза прохожим.
Или глаза прохожих,
съевшие ожерелья,
прыгали куда-попало.
Дружески стреляли пушки.

(Почему не грозно?)
Радостно увядали колокольни.
(Почему не печально?)
Весело гибли конторы.
Широко расставались солдаты.
Внимательно умирали фикусы.
Справедливо плакали окна.
Все говорило о желтом начале.
Все твердило о красном конце,
Или начало бубнило о конце,
и конец пел о начале.
Все свистело в щели газет.
Все раздувало философов.
Все капало в прорехи романов,
и испуганные писатели
падали в дыры
своих и чужих произведений.
Дыры стихов и романов
превращаются в заповедники
верноподданных критиков,
которые потеряли концы начала
и — хуже всего! — начало конца.

10

Созревали слезы
(а может быть, это призрак
созревания или видение
из другого видения,
где было слезливое созревание).
Людьми и странами
наполнялись заботы
(а может быть, это обман

или зрелище, выброшенное из обмана).
Тяжелой ерундой
наливались мысли
(а может быть, это вылазка
тяжелой ерунды,
за которой скрываются
дикие планы, похожие
на дикие физиономии).
Заготавливались слухи
для дрессированных болтунов
(а может быть, дрессированные слухи
тренировали клеветников).
Сиренами и собачьим лаем
засыпались улицы
(а может быть, собачий лай
заполнялся улицами).
Тьма, как положительный герой,
(а может быть, герой положительной тьмы)
расположилась в книгах,
в очередях похудевших страниц,
в толпе каштанов,
в шапках башен...
Вот и страдай от страниц.
Вот и сиди в страницах.
Вот и жалеяй страницы.
Вот и надейся на страницы.

11

Снова рот открыло утро,
или утро открыло рты.
Святые головы цветов
качались на резиновом ветру,

или ветер качался
на золотых абажурах цветов.
Все цвело.
Все играло.
Все шумело.
Все шептало о робком дыхании,
или робкое дыхание шептало о весне.
Пчелы требовали цветущего молока,
или цветущее молоко искало пчел.
Реки искали цветущих мостов,
или мосты приглашали цветущие реки.
Лягушки прыгали на мельницы врагов,
или мельницы прыгали на лягушек.
Зацвели праздники,
одетые в черные платья,
или платья, одетые в черные праздники.
Засветились деньги,
зажаренные на крови,
или кровь, зажаренная на деньгах.
Заупрямились молнии,
вытолкнутые из облаков,
или запротестовали облака,
выброшенные с неба.
Пушистые дороги
торопились к колючей цели,
и колючая программа
спешила к пушистым дорогам.
И снова ураган,
похожий на огромную розу,
крутящуюся вокруг своей оси.
Рыдающие радары,
как лошади, прядали ушами,
слушая космический фокстрот,
в котором мелькали космические каблукки,

или космический фокстрот
прядал каблуками
в рыдающие радары.
Показался аэропорт,
куда на посадку шли ангелы,
или приземлялся аэропорт,
из которого, как пассажиры,
выходили расстегнутые лица,
отклеившиеся имена,
отрезанные фамилии,
распоясавшиеся профессии,
Опять вампиры,
на которых напал дождь,
или дождь, на который
внезапно напали вампиры.
Снова клавиатура грибов и цветов
или цветущая азбука
пишущих машинок.

12

Кто печатает на пишущих цветах? —
едва успел подумать я,
как налетела волна
из двадцатого зеркала,
и я, как щепка,
закрутился в кильватере
расплескавшихся картин,
изрубленных изображений,
и был выброшен на берег,
который я сочинил.
Кто-то крикнул: — Вы свободны!
и я очутился со Мной.